

Леонтий [Лебединский], митр. Мои заметки и воспоминания // Богословский вестник 1914. Т. 1. № 1. С. 137–153 (2-я пагин.). (Начало.)

Мои замѣтки и воспоминанія.

(Автобіографическія записки Высокопреосвященнѣйшаго Леонтія, Митрополита Московскаго).

(Продо лженіе ¹⁾).

Епископъ Нектарій; Іоанникій — ректоръ Академіи. Разслѣдованіе мое по дѣлу о студентахъ и ревизія Академіи.

Обращаюсь своими воспоминаніями нѣсколько назадъ. Сказано прежде, что архимандритъ Нектарій назначенъ былъ ректоромъ Академіи, и 14-го Сентября 1859 г. посвященъ во Епископа Выборскаго. Онъ не былъ впрочемъ преподавателемъ, и только администраторомъ и наблюдателемъ надъ преподаваніемъ Закона Божія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Желая заискать популярности у студентовъ, преосвященный Нектарій давалъ имъ свободу болѣе надлежащаго, чему сочувствовалъ и инспекторъ архимандритъ Павелъ, приспособляясь ко взгляду ректора. Отсюда. прежніе порядки строгіе, частію уже разшатанные и при Теофанѣ, ослабѣли. Если взять во вниманіе духъ времени. либеральное направленіе, разныя вѣянія въ публикѣ и печати.—то понятно станеть, какъ трудно было, при данной свободѣ, держать дисциплину студентовъ по уставу. Въ Академію проникали всѣ зловердныя сочиненія и разныя подпольныя воззванія 60-хъ годовъ. Начальство смотрѣло на это сквозь пальцы; инспекція игнорировала ночныя оргіи студентовъ,

¹⁾ См. „Б. В.“ 1913 г., декабрь.

Въ частномъ письмѣ на имя Ректора Московской Академіи Пресвященнѣйшаго Фодора. Высокопреосвященнѣйшій Антоній, Архіепископъ Волынской, проситъ присоединить къ автобіографическимъ запискамъ Митрополита Леонтія слѣдующее примѣчаніе:

„Рукопись сію А. Антоній получилъ въ 1912 г. отъ ꙗколейника М. Леонтія,—Архим. Лаврентія, вскорѣ затѣмъ умершаго и погребеннаго въ Кременецкомъ Богоявленскомъ монастырѣ.

А. Антоній рукопись переслать М. Московскому для М. Академіи“. *Ред.*

въ высшей степени оскорбительныхъ для православнаго чувства религіознаго. Объ этомъ не знала конечно инспекція, хотя должна была знать. Мнѣ случайно, и то уже черезъ десятокъ лѣтъ, пришлось услышать объ этихъ оргіяхъ отъ одного изъ участниковъ ихъ. Ректоръ не могъ не сознавать слабости своей и недостатка ученаго авторитета, хотя за доброту пользовался любовью студентовъ. При первой открывшейся возможности онъ началъ хлопотать о томъ, чтобы получить епархію. Къ этому побуждало его и подозрѣніе, правда преувеличенное, что митрополитъ Исидоръ не доволенъ имъ и не желаетъ его имѣть ректоромъ. На самомъ дѣлѣ Исидоръ ничѣмъ этого не обнаруживалъ, хотя и несомнѣнно, что не высоко думалъ о Нектаріѣ. На ту пору случился въ Петербургѣ митрополитъ Арсеній (знавшій Нектарія еще въ Каменецъ Подольскѣ смотрителемъ Барскаго духовнаго училища). Къ нему обратился Нектарій съ просьбою о ходатайствѣ предъ митрополитомъ Исидоромъ относительно епархіи. Вакансія была готовая въ Нижнемъ Новгородѣ. Ее и занялъ преосвященный Нектарій послѣ многихъ успій, по моему мнѣнію, совершенно излишнихъ; ибо имѣлъ право онъ на епархію и безъ того. Непріятности, испытанныя имъ въ Нижнемъ Новгородѣ, думаю, не разъ заставляли его пожалѣть о посѣщности... Дѣла Нектарія впрочемъ, при его умѣннн жить и приспособляться, поправились въ послѣдствіи, сверхъ ожиданія гнавшихъ его. Черезъ графа Д. А. Толстого онъ высоко поднялся, и могъ рассчитывать на митрополию изъ Харькова, если бы смерть не постигла его. Помню, какъ графъ Д. А. Толстой, въ бытность у меня въ Каменецъ - Подольскѣ по случаю извѣстія о смерти преосвященнаго Нектарія,—заплакалъ, и тутъ же распространился въ похвалахъ ему. Зная отлично покойнаго преосвященнаго Нектарія—не могу здѣсь не выразить своего сожалѣнія, что этотъ прекрасный по душѣ человекъ, изъ самолюбиваго желанія казаться выше себя, сверхъ своихъ силъ и способностей забиралъ, если можно такъ выразиться, работы или порученія,—и надорвалъ свое здоровье. Выбраться изъ смотрителей какаго-нибудь Барскаго духовнаго училища, или хоть бы потомъ Кіево-Софійскаго съ должностію эконома митрополитчьяго дома въ ректора С.-Петербургской Академіи чего-нибудь стоитъ; нужно

было для этого много такту и умѣнья выказаться... Поживи дольше митрополитъ Никаноръ, Нектарію никакъ уже не быть бы ректоромъ Академіи, и даже Новгородской и Петербургской Семинаріи. Почему? Причина тому такая, какой не ожидаютъ. Будучи ректоромъ Кіевской Семинаріи, архимандритъ Нектарій вызванъ былъ на череду обычную въ Петербургъ. Череднымъ обыкновенно назначалось три, четыре проповѣди въ годъ для сказыванія въ Кафедральномъ Соборѣ, и по преимуществу на царскіе дни. При митрополитѣ Никанорѣ назначали двумъ на одинъ день, на всякій случай—и онъ самъ внимательно читалъ представленныя ему проповѣди, и оцѣнивалъ ихъ, какъ лучший цензоръ и ораторъ, строго. На одинъ какой-то важный день назначена была проповѣдь архимандриту Нектарію и протоіерею А. Лавровскому. Прочитавши обѣ проповѣди митрополитъ Никаноръ призываетъ обоихъ вмѣстѣ къ себѣ, и вынеши обѣ тетрадки отдастъ одному и другому съ словами: „Ну, Вы о. Лавровскій, читайте, а Вы о. ректоръ, повѣряйте“. Оказалось, что они списали буквально одну и ту же проповѣдь изъ „Воскреснаго чтенія“ первыхъ годовъ. Митрополитъ самъ держалъ въ рукахъ подлинникъ. Вышла сцена очень некрасивая. Протоіерею еще можно было извинить его поступокъ такъ или иначе,—но чередному ректору, да еще магистру богословія уже никакого извиненія нельзя было представить. А все произошло отъ желанія—отличиться. Нѣтъ нужды говорить о томъ, какое понятіе составилъ митрополитъ Никаноръ о чередномъ архимандритѣ. Описанный фактъ вѣренъ, онъ переданъ мнѣ лицомъ, которому сообщилъ самъ митрополитъ Никаноръ. Впрочемъ знали о немъ послѣ многіе,—и мнѣ въ Кіевѣ тогда писали объ этомъ подробно, а въ 1859 г. я фактъ повѣрилъ. Не въ осужденіе своего брата заговорилъ я объ этомъ, а въ доказательство того, какъ изъ желанія показаться—умнымъ, можно сдѣлать непростительную глупость.

Преемникомъ Епископу Нектарію по Академіи С.-Петербургской назначенъ архимандритъ Іоанникій, переведенный изъ ректоровъ Кіевской Академіи. По отъѣздѣ Нектарія въ Нижній Новгородъ, митрополитъ Исидоръ озабочивался назначеніемъ новаго ректора, и когда я на другой день послѣ прощанія съ Нектаріемъ. пришелъ съ бумагами къ нему.—онъ спра-

пшиваетъ: „Какъ Вы думаете, можно Іоанникія сюда ректоромъ перевести?“ Я отвѣчалъ: „Наши личныя отношенія были, правду сказать, неискреннія по его характеру, но онъ человѣкъ умный и отчегожь его сюда не назначить“. Митрополитъ зналъ его по Кіеву, и какъ земляка, и конечно спрашивалъ только такъ себѣ—для виду. Назначеніе состоялось. И вотъ мы, старые знакомые, опять свидѣлись. Архимандритъ Іоанникій взялся за дѣло съ ревностію, но съ инспекторомъ на первыхъ же порахъ не согласно во взглядахъ, хотя по своей сдержанности, не выказывалъ того ясно. Духъ Академіи, какъ я сказалъ прежде, былъ свободный, и нужно было съ умѣніемъ, безъ поблажки, исправить запущенное. Инспекторъ, державшійся Нектаріевской методы—популярничать, лавировалъ и фальшивилъ предъ ректоромъ. Вотъ причина, почему архимандритъ Павелъ вскорѣ замѣненъ другимъ лицомъ, получивъ ректуру въ Смоленской Семинаріи. Къ сожалѣнію, ректоръ не пользовался любовію и довѣріемъ студентовъ, да и профессоровъ. Его замкнутость, сухость и недоувѣрчивость—не привлекали къ нему подчиненныхъ: а лекціи по догматикѣ онъ читалъ хотя и дѣльно,—но далеко не увлекательно, и къ тому же какъ-то неразборчиво въ произношеніи. Держа себя далеко отъ студентовъ, и не имѣя искренности отъ инспектора, онъ естественно могъ дѣйствовать не впопадъ. Когда поступилъ новый инспекторъ Владиміръ (нынѣ Епископъ), человѣкъ прекрасный, добрый, конечно, долженъ былъ еще знакомиться съ Академіею, которой, какъ воспитанникъ Кіевской Академіи, не зналъ по духу и направленію. Іоанникій, уже хиротонисанный во Епископа (1861 г. въ Іюнь) своего такта не измѣнилъ. И вышла исторія въ Академіи, очень непріятная, помнится въ 1863 г. Разскажу о ней. За отсутствіемъ преподавателя греческаго языка, поручено было преподаваніе его бакалавру по исторіи Предтеченскому. Онъ (кстати сказать, держалъ онъ себя со студентами, особенно съ нѣкоторыми, по товарищески, курилъ и игралъ съ ними въ карты) пришедши въ классъ, сказалъ: „Господа! Я самъ плохо знаю греческій языкъ, будемъ заниматься кой-чѣмъ“. Студенты вскорѣ перестали посѣщать классъ *in corpore*, а затѣмъ почти всѣ. Вотъ начало событія, которое надѣлало шуму въ Петербургѣ. Предтеченскій нажаловался ректору въ преувеличенныхъ выра-

женіяхъ. И вотъ явился въ глазахъ начальства бунтъ студентовъ. Ректоръ доноситъ митрополиту формально о бунтѣ, —и что же вышло? Экстреннымъ протоколомъ Св. Синода исключены изъ Академіи до 30 человѣкъ. Какой пожаръ отъ ничтожной искры! Ректоръ между прочимъ въ своемъ донесеніи увѣрялъ, что онъ самъ въ классѣ убѣждалъ студентовъ ходить на греческій языкъ—и его не послушались. Черезъ нѣсколько времени, когда по Петербургу разнеслась исторія студенческая, и высшее начальство пожалѣло о поспѣшности своей, мнѣ поручено было сдѣлать дознаніе (это послѣ синодскаго рѣшенія?),—и я открылъ, что дѣло зашло изъ за пустяковъ, что ректоръ не обращался къ студентамъ съ увѣщаніемъ въ классѣ, и вообще вся исторія наполовину сочинена подъ диктовку Предтеченскаго. Я выяснилъ все это митрополиту, и состоялось опредѣленіе Синода—принимать исключенныхъ, если подадутъ прошенія. Почти всѣ, за исключеніемъ первыхъ, лучшихъ трехъ, четырехъ человѣкъ, подали и приняты обратно. Однако же Академія лишилась даровитыхъ людей, надримѣръ Владиславлева, Соколова и др. Владиславлевъ, надримѣръ, теперь ректоръ Университета Петербургскаго. Имѣй другой тактъ Іоанннкій, не было бы учиненнаго скандала. Скажи онъ мнѣ прежде формальнаго оглашенія дѣла,—оно получило бы другой характеръ.—

Въ 1863 г. же году мнѣ поручена была ревизія Петербургской Академіи. Она шла обычно. Но на конференціи вышли пререканія. Предтеченскому, бакалавру еще тогда и секретарю конференціи, а затѣмъ и ректору, хотѣлось выпустить человѣкъ 10 съ званіемъ дѣйствительнаго студента. Я возсталъ противъ этого. Предтеченскій въ горячахъ говоритъ: „Послѣ этого всѣхъ бунтовщиковъ надо дѣлать кандидатами!“ Я строго замѣтилъ: „Бунтовщики въ тюрьмахъ содержатся. Академія не тюрьма: да какое право имѣете вы, бакалавръ только, не членъ конференціи, а секретарь ея, возвысить голосъ, и давать свое сужденіе? Ваше дѣло записывать, что опредѣляетъ конференція“. Списокъ составленъ на основаніи балловъ по успѣхамъ и поведенію—и всѣ выпущены со степенью магистровъ и кандидатовъ. Изъ курса 1863 г., ошельмованнаго, можно сказать, академическимъ начальствомъ, вышли весьма дѣльные люди, которые съ честью служатъ и по духовному и по гражданскому вѣдомству.

Такъ нужно умѣючи обращаться съ молодыми силами. Предтеченскій однакожь долго служилъ послѣ при Академіи, и дослужился, кажется, до заслуженнаго профессора, хотя за его жизнь развратную, слѣдовало во время удалить изъ Академіи.

Недовольство управленіемъ Іоанникія проявлялось въ статьяхъ извѣстнаго и въ свое время страшнаго „Колокола“ Герцена, когда онъ былъ еще ректоромъ Кіевской Академіи. Въ 1862 или 3-ій г. не помню, явилась опять ѣдкая статья—насквиль уже на статью епископа Выборгскаго, ректора С.-Петербургской духовной Академіи. Я по обязанности, по порученію митрополита Исидора, получалъ и читалъ „Колоколъ“, и докладывавалъ ему, если находилъ что интересное. Прочитавъ насквильную статью, докладываю митрополиту; онъ приказалъ дать прочитать Іоанникію. Это было въ великій постъ предъ страстною недѣлею. Въ среду на страстной встрѣтились мы на пути въ Лавру къ о. духовнику архимандриту Мельхиседеку. Послѣ исповѣди я говорю пресвященному Іоанникію: „Въ Колоколѣ есть очень интересная статья, которую Вамъ прочитать надо (она уже доложена была Государю покойному чрезъ 3-е отдѣленіе); только я дамъ Вамъ на Пасхальныхъ дняхъ“. Присталъ онъ ко мнѣ, — „дайте сейчасъ“. — „Пожалуй, говорю, зайдемъ ко мнѣ, дамъ теперь, только не пожалѣйте, если испортите настроеніе духа“. Чтеніе ея, конечно, очень дурно повліяло на Іоанникія, — и въ великую пятницу онъ, подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ, въ академической церкви говорилъ проповѣдь объ общественномъ мнѣніи, порицая его въ извѣстномъ смыслѣ. Вотъ чему обязано происхожденіемъ Слово Іоанникія въ великую пятницу, напечатанное въ „Христіанскомъ Читеніи“ 1863 г.! Это вѣрно. Заговорилъ я объ этомъ, потому что статья „Колокола“ при происшествіи въ Академіи, мною описанномъ, послужила поводомъ къ весьма невыгодному понятію петербургской публики объ Іоанникіѣ и въ высшихъ сферахъ, и ускорили его назначеніе на Епархію. Мои отношенія къ Іоанникію оставались, могу сказать, благородными, братскими, хотя онъ не оцѣнилъ ихъ ни тогда, ни послѣ, когда пришлось намъ опять вмѣстѣ быть въ Петербургѣ, въ Синодѣ уже, и когда онъ, по волѣ судебъ, явился уже въ бѣломъ клубкѣ... Но довольно о немъ: *сunt cuique...*

Митрополитъ Исидоръ въ первые годы своего служенія въ санѣ Митрополита въ С.-Петербургѣ.

Викаріемъ при митрополитѣ Исидорѣ я служилъ три года съ половиною; а потому не могу не сказать о томъ, какъ дѣйствовалъ въ первые годы этотъ маститый архипастырь, доселѣ здравствующій (88 л.). Сказалъ я прежде, — что прибылъ онъ въ Петербургъ съ предубѣжденіемъ противъ мѣо-гихъ, и противъ Консисторіи; а потому сначала относился ко всѣмъ недобѣрчиво, начиная съ меня. Но вскорѣ я выяснилъ ему все, что считалъ нужнымъ, и мы вполне сошлись. Я сдѣлался довѣреннымъ лицомъ, и безъ вліянія, хотя никогда этого не старался выказывать предъ другими. Хотя и жаловался митрополитъ Исидоръ на здоровье, но дѣлами занимался усердно, и много писалъ собственноручно, на что имѣются доказательства въ Консисторіи. Осторожный и неопытный — онъ старался быть справедливымъ. Но нельзя было сказать, что онъ твердо устоявалъ въ своихъ административныхъ распоряженіяхъ. Вліяніе постороннихъ, особенно знакомыхъ лицъ, нерѣдко заставляли его дѣлать — противъ воли. Частенько случалось мнѣ противорѣчить, но не всегда я успѣвалъ отстоять то, что считалъ справедливымъ. Высокія его соображенія давали иногда ходъ дѣламъ своеобразный. Благоразуміе митрополита Исидора и спокойствіе удивляли меня. Это практикъ замѣчательный. Что касается до ровности его характера, — то едва ли можно найти архіерея, подобнаго ему. Разъ только я видѣлъ его раздраженнымъ по случаю дѣла съ покойнымъ о. Морозкинскимъ, и то на короткое время. А случаевъ къ раздражительности было не мало. Какъ епархіальный архіерей, — это образецъ для другихъ. Осуждали его за уступчивость по Синоду, и нѣкоторую робость передъ знаменитостями: но, во-первыхъ, не всякому даются отъ Бога всѣ таланты, а, во-вторыхъ, есть обстоятельства, при которыхъ и всякая сила воли должна преклониться. Правда, митрополитъ Исидоръ уклонялся отъ борьбы, но его выжидательная манера дѣйствованія имѣла пользу и успѣхъ. Въ Синодѣ, въ бытность мою викаріемъ, присутствовали митрополитъ Арсеній (въ зимніе мѣсяцы) и между другими архіе-

реями—тогда Рижскій Платонъ. Оба эти архипастыри въ душѣ не были расположены къ Исидору и пользовались разными сплетнями, чтобы уронить его честь. Проводникомъ разныхъ нареканій и сплетень въ высшемъ обществѣ служилъ князь Суворовъ, бывшій генераль-губернаторъ Петербургскій. Большой другъ Платона по Ригѣ, онъ очень желалъ посадить его митрополитомъ въ Петербургъ, и восхваляя на всѣ лады своего любимца, всячески чернили имя Исидора. Близкій къ покойному Государю Императору, онъ не церемонился рассказывать ему про Исидора разные сплетни. Тяжело было переносить клевету; но Исидоръ молчалъ и терпѣлъ; множество безымянныхъ писемъ пасквильныхъ получалъ онъ,—и терпѣлъ молча,—и терпѣніе его преодолѣло злонамѣренность недоброжелателей. Осуждали митрополита Исидора за допущеніе вліянія на него нѣкоей Селезневой, родной сестры извѣстнаго Юевича, воспитателя покойнаго Государя Императора Александра II-го, и потомъ Егоровой Матрены. Но когда выяснилъ я митрополиту неблаговидность хвастливыхъ дѣйствій Селезневой, прикрываемыхъ фарисейскою набожностію, онъ воспретилъ ей входъ къ себѣ. Егорова въ мою бытность еще не имѣла вліянія на митрополита, хотя посѣщала его ежедневно, послѣ ранней обѣдни и всенощной, для бесѣды. Эту старуху Владыка очень уважалъ и почиталъ святою,—вотъ причина довѣрія его. Послѣ, говорятъ, вліяніе Егоровой усилилось, но я не берусь судить о ней, которая по мысли митрополита устроила въ Кіевѣ общину женскую, теперь цвѣтущую. Несомнѣнно то, что митрополитъ Исидоръ вѣрилъ и вѣритъ ея святости, какъ и мнѣ о томъ не разъ говорилъ. Я зналъ хорошо Егорову и удивлялся ея практическому уму. Набожность ея была очевидна для всѣхъ, а сердце—единъ Господь вѣдаетъ. Распространился я о Егоровой потому, что о ней много говорили, и изъ за нея было много толковъ о митрополитѣ Исидорѣ. Но дѣла его—на виду у всѣхъ и уже оцѣнены по достоинству. И нельзя не видѣть особаго благоволенія Божія къ великому старцу.

Назначеніе меня на Подольскую кафедру, переѣздъ въ Каменецъ Подольскъ, и пребываніе въ немъ.

Приближалось время моего отбытія изъ Петербурга. Вскорѣ послѣ возвращенія моего изъ Парижа, начали уже говорить, что пора-де Леонтія на Епархію, хотя, по моему, и рано еще было. Толки однако-жъ улеглись, и только въ концѣ 1863 г. состоялось мое новое назначеніе. Въ первый разъ я услышалъ о намѣреніи—послать меня на Епархію, именно въ Каменецъ Подольскъ,—высказалъ мнѣ митрополитъ Кіевскій Арсеній (хотя нѣсколько прежде былъ слухъ и довольно основательный о предположеніи назначить меня на Владимірскую Епархію)—23 Ноября 1863 г., послѣ обѣда въ Лаврской трапезѣ по случаю праздника Св. Александра Невскаго. Черезъ нѣсколько дней, бывши съ дѣлами у митрополита Исидора, я сказалъ ему: „Правда ли, что меня хотять назначить въ Подолію?“—„Да, вотъ настаиваетъ Кіевскій Арсеній, и почему-жъ не ѣхать туда? Въ Рязани вотъ открылась вакансія; но я Васъ туда не пошлю къ *резанцамъ*.“—„Владыко! я съ Западомъ не знакомъ, и боюсь, по своему характеру, ѣхать въ полупольскую сторону.“—„Ну, мы Васъ лучше знаемъ.“ Этимъ окончился разговоръ. Въ другой разъ, когда я опять отказывался отъ Каменецъ Подольска, митрополитъ Исидоръ положительно уже мнѣ объявилъ, что надо ѣхать,—и 20-го Декабря состоялось Высочайшее повелѣніе—быть мнѣ Епископомъ Подольскимъ и Брацлавскимъ. Отъ Оберъ-Прокурора Ахматова, надобно замѣтить прекраснаго и умнаго человѣка, къ сожалѣнію болѣзненнаго, получилъ я собственноручное поздравленіе, и сталъ собираться въ дорогу. Послѣ прощальныхъ визитовъ въ городѣ, простился я и съ митрополитомъ Исидоромъ, который благословилъ меня иконою Нерукотвореннаго Спаса, хранимою мною доселѣ, и далъ свой поясъ. 16-го Генваря 1864 г. съ Божіею помощію я направился въ путь чрезъ Москву.—

Въ Москвѣ я остановился у преосвященнаго, блаженной памяти, Леонида, тогда викарія Московскаго, и пробылъ тамъ (посѣтилъ Сергіеву Лавру) съ недѣлю времени. У Владыки митрополита Филарета я былъ принятъ очень ласково, и обѣдалъ у него три раза. Въ первый разъ, между прочимъ,

митрополитъ сказалъ: „Какъ же это? Васъ вѣдь предположено было назначить во Владиміръ?“ „Да; но преосвященный Теофанъ изъ Тамбова пожелалъ перейти туда“. „Когда-то“, продолжалъ Филаретъ, „и меня хотѣли изъ Епископовъ Ревельскихъ назначить Подольскимъ, какъ на епархію второклассную; но я отвѣтилъ митрополиту Михаилу, что я желаю лучше третъеклассную епархію получить, только русскую, и просилъ оставить меня“.—„И я просилъ, Владыко, но не согласились.“—„Ну, теперь другое дѣло; Вы тамъ нужны.“ На одинъ изъ обѣдовъ митрополитъ Филаретъ пригласилъ человекъ 20 знатнаго духовенства по случаю моего проѣзда. За обѣдомъ была разнообразная бесѣда, какъ водится; но совершенно неожиданно, вдругъ спрашиваетъ меня Филаретъ.—„А что у васъ въ Петербургѣ духовенство? Небось, въ карты играютъ.“—„Такъ же, Владыко, какъ и у Васъ“, отвѣчаю я,—„есть всякіе“. Всѣ изумились такому отвѣту смѣлому, и стали посматривать другъ на друга. И я замѣтилъ, что отвѣтъ мой не понравился митрополиту, а потому и самъ сконфузился. Однако-жъ митрополитъ перемѣнилъ разговоръ, и въ концѣ обѣда провозгласилъ тостъ: „За здравіе Вашего Преосвященства,“ чего я и не ожидалъ. Во всемъ видна мудрость великаго іерарха.

О многомъ въ продолженіи трехъ визитовъ митрополитъ Филаретъ бесѣдовалъ со мною. Подробно расспрашивалъ о поѣздкѣ въ Парижъ и о впечатлѣніяхъ моихъ. Подробно расспрашивалъ о послѣднихъ дняхъ жизни митрополита Григорія, о его смерти, и послѣ моего разсказа о соборованіи и приобщеніи его мною, помимо его желанія,—съ наворачившимися слезами сказалъ: „Благодарю Васъ, что поберегли моего друга“. Изъ Москвы до Каменца мой путь былъ тяжелый. Въ Батуринѣ я долженъ былъ бросить полосья подъ каретою, а въ Ярмолинцахъ—и самый экипажъ; ибо по большому снѣгу ѣхать на колесахъ было невозможно. На простыхъ саняхъ открытыхъ доѣхалъ я до Нѣжина, ближайшаго къ Каменцу, а изъ Нѣжина добрался и до мѣста, въ высланномъ для меня экипажѣ. Послѣ Москвы мнѣ пріятно было погостить и въ Кіевѣ по старому знакомству. Тамъ я прожилъ 8 дней въ домѣ преосвященнаго Викарія Кіевского Епископа, Серафима, въ Мпхайловскомъ монастырѣ.

Замѣчанія о Подольской Епархіи и гражданской администраціи во время моего управленія 1864—1874 г.

Прибыль я въ Каменецъ Подольскъ 13-го Февраля 1864 г. прямо въ Соборъ, гдѣ была обычная встрѣча. На первыхъ порахъ мнѣ все показалось дико; преобладаніе количества костеловъ поразило меня—сразу. Духовенство наше показалось мнѣ приличнымъ. Но при первыхъ впечатлѣніяхъ мнѣ невольно пришелъ на память отзывъ моего предмѣстника архіепископа Иринарха, съ которымъ я случайно встрѣтился въ Тулѣ, на почтовой станціи. Спрашиваю его: „Каково положеніе Архіерейское въ Каменцѣ?“—„Хуже нѣтъ“, говорить. —„Каково духовенство?“—„Хуже нѣтъ“ и проч. „Неужели нельзя улучшить?“—„Попытайтесь, сами увидите“. Отзывъ очень жестокой, и оказавшійся только отчасти вѣрнымъ. Взвѣсивъ съ помощію Божіею за дѣло со всею энергіею (мнѣ было всего 42 года),—я успѣлъ въ теченіе 11 лѣтъ сдѣлать то, что казалось невозможнымъ. Я не стану здѣсь описывать своихъ распоряженій и дѣлъ относительно духовенства. Протоіереемъ Страшкевичемъ, на основаніи несомнѣнныхъ данныхъ, въ его книгѣ о моемъ 25-лѣтнн архіерействѣ описано все довольно обстоятельно и по учебной, и по епархіальной части. Я коснусь того, что не напечатано, и что извѣстно весьма не многимъ.—

Въ 1864 г. еще не вполне въ Подоліи затихло повстаніе, такъ называемое. И первую Пасху я служилъ въ Каменцѣ. можно сказать, подъ стражею. Церковь (большая крестовая) окружена была солдатами съ ружьями заряженными въ виду извѣстія, что поляки перебираются уже черезъ Днѣстръ, хотя оказалось оно несправедливымъ. И по епархіи, первый разъ весною 1864 г., я ѣздилъ въ сопровожденіи казаковъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ—по распоряженію свѣтской власти, для безопасности. Въ одномъ селѣ открыто, что повстанцы, или лучше польскіе помѣщики, запрятали порохъ на хорахъ въ церкви. Священникъ оправдывался, что ему грозили повѣшеніемъ, въ случаѣ несогласія закрыть ихъ вину. Конечно, оправданіе это не освободило его отъ кары, но вмѣстѣ съ тѣмъ показало, какъ трудно было сопротивляться повстанцамъ. Въ селѣ Глѣбовѣ—въ прудѣ побросаны были пушки

и пороховъ въ изобиліи, отъ чего вся рыба подохла. Мною обнаружено, по сообщеннымъ мнѣ по ревизіи свѣдѣніямъ и другимъ доказательствомъ, что еще не настало спокойствіе и что польскіе помѣщики еще не оставили своихъ затѣй, изложенныхъ въ пресловутомъ адресѣ Императору Александру II въ 1859 г., во время посѣщенія имъ Каменецъ Подольска. Когда я возвратился изъ поѣздки по ревизіи Епархіи,— передалъ свои наблюденія губернатору Брауншвейгу, Рудольфу Ивановичу. Онъ сказалъ мнѣ: „Ради Бога молчите, я заручился предъ Государемъ, что у меня въ губерніи все будетъ, да и есть уже спокойно“. Правда, скоро все стихло, и затѣи польскія прекратились, когда многіе помѣщики были высланы, и имѣнія ихъ конфискованы. Брауншвейгъ въ непродолжительномъ времени перемѣщенъ въ Варшаву, и занялъ здѣсь значительный постъ. Онъ относился ко мнѣ внимательно,—и какъ человекъ умный и знающій край, многое открывалъ мнѣ о продѣлкахъ ксендзовъ, которыхъ не жаловалъ, какъ лютеранинъ. Ему я обязанъ свѣдѣніями, вообще, о положеніи католицизма въ Подоліи, и, въ частности, въ Каменецъ Подольскъ, гдѣ Семинарія католическая, капитулъ и бискупъ дружно дѣйствовали въ пользу рода польскаго. Впрочемъ, при генераль-губернаторѣ Анненковѣ, Киевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ, который отъ дряхлости уже забывался и былъ вообще нерѣшителенъ,—нельзя было ожидать сильнаго поворота на русскій ладъ. Я, и прежде знавшій Н. Н. Аннекова въ Петербургѣ, какъ государственнаго Контролера, убѣдился въ этомъ изъ своихъ бесѣдъ съ нимъ о дѣлахъ въ Каменецъ-Подольскѣ. Къ счастью онъ скоро сошелъ съ поприща. Его замѣнилъ А. П. Безакъ, который, можно сказать, составилъ эпоху для юго-западнаго края по своему управленію. На мѣсто Брауншвейга губернаторомъ назначенъ истинно-русскій человекъ генераль-майоръ Н. И. Сухотинъ, и хотя онъ не обладалъ опытностію администратора, за то дѣйствовалъ смѣло и строго, и высоко держалъ знамя русское. Съ нимъ мы сошлись, и онъ готовъ былъ содѣйствовать моимъ заботамъ и планамъ, по части религіозной. Но что можно сдѣлать безъ начальника края? Что мы успѣли бы, если бы Безакъ не сочувствовалъ нашимъ планамъ? и самъ не взялъ на себя ходатайства предъ Высочайшею властію о необходимыхъ для края преобразованіяхъ?..

Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ послѣ прибытія въ Каменецъ Подольскъ, осмотрѣвшись, я писалъ князю Урусову о необходимости закрыть польскую Семинарію, бискупство и капитулъ, чтобы съ успѣхомъ повести дѣло православія и дѣло обрусѣнія. Отвѣтъ получилъ отрицательный; и думать нечего объ этомъ, писалъ мнѣ князь Сергѣй Николаевичъ.—это слишкомъ смѣло. Переписываясь съ докторомъ Лейбъ-Хирургомъ Ѳ. Ѳ. Жуковскимъ, который жилъ въ Царскомъ Селѣ и въ свое время дежурилъ при Государѣ лѣтомъ. я въ своемъ письмѣ подробно изложилъ, признаюсь безъ задней мысли, свои сѣтованія, и планы къ поднятію русскаго престижа и православія въ сущности тѣ же, какія изложилъ я князю Урусову. Онъ, будучи дежурнымъ, письмо мое не прочтеніи положилъ на столѣ въ дежурной комнатѣ. Государь проходя замѣтилъ письмо, и прочиталъ; потомъ говоритъ: „Да ты переписываешься съ архіереями? А вѣдь Леонтіѣ дѣло писать“. Объ этомъ Жуковскій сообщилъ мнѣ, а я принялъ къ свѣдѣнію. Когда А. П. Безакъ (въ 1868 г.) въ первый разъ пріѣхалъ въ Каменецъ Подольскъ, то при первомъ свиданіи у меня въ архіерейскомъ домѣ сказалъ: „Вотъ, Ваше Преосвященство, Вы уже освоились здѣсь, узнали многое. Скажите Ваше мнѣніе: что нужно сдѣлать намъ радикальнаго?“ Я отвѣчаю: „Если хотите достигнуть цѣли, намѣченной правительствомъ, и оставить по себѣ память.—то исходатайствуйте закрытіе каѳедры римско-католической, выведите капитулъ и римско-католическую Семинарію, совершенно излишнюю здѣсь“. Безакъ смутился, и задаль вопросъ: „Да какъ же это сдѣлать? Это уже сразу много“. Я говорю. „Начнемъ; почва частію подготовлена.“ и рассказаль ему о моемъ письмѣ, случайно прочитанномъ Государемъ. А для того, чтобы Вамъ, Александръ Павловичъ, имѣть вѣскія данныя, я документально расскажу Вамъ, изъ кого главнымъ образомъ состоитъ здѣсь такъ называемый ржондъ.—въ немъ всѣ главные чины капитула и Семинаріи, и чиновники знатные въ Губернскомъ Правленіи. Не угодно ли Вамъ поѣхать въ римско-католическую Семинарію? Тамъ узнаете, что ни русскій языкъ, ни русская исторія не преподаются, а жалованье получается; тамъ увидите, какое настроеніе господствуетъ, по фізіономіямъ“. Возвратившись изъ польской Семинаріи, онъ рассказаль, что нашетъ все.

какъ я передавалъ. „Я, говорить, въ залѣ сѣлъ на кафедру и началъ словами: *mutantur tempora, et nos mutamur in illis*, —и прочиталъ начальникамъ и семинаристамъ порядочную рацию.“ Съ бискупомъ Антоніемъ Фіалковскимъ Безакъ имѣлъ крупный разговоръ, и уѣхалъ въ Кіевъ, а затѣмъ вскорѣ въ Петербургъ съ твердымъ намѣреніемъ хлопотать о предложенной нами реформѣ. Хлопоты его увѣнчались успѣхомъ. Посѣтивши въ другой разъ Каменецъ, Александръ Павловичъ съ удовольствіемъ показалъ мнѣ резолюцію Государя противъ статьи о вышесказанномъ проэктѣ: „Это противно конкордату; впрочемъ при настоящихъ обстоятельствахъ нахожу возможнымъ“. Можете представить, какъ мнѣ пріятно было прочитатъ такую помѣтку рукою Государя, и вообразить мою радость. Могу сказать, что мнѣ принадлежитъ первая мысль—благодатная для православія въ Подоліи. Какъ ни тормозилъ дѣло бывшій тогда министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ,—оно совершилось. Епархія католическая Каменецкая присоединена къ Луцко-Житомирской, а Семинарія переведена тоже въ Луцкъ.—Много мнѣ зато дѣлали неприятностей ярые клерикалы, хотя мелочныхъ, но оскорбительныхъ, пока ихъ не удалили. Напримѣръ когда поѣду я гулять въ каретѣ,—польскіе семинаристы, гуляя цѣлою гурьбою, плюютъ на мою карету, дѣлаютъ гримасы и проч. Великая честь Безаку за его рѣшительность и настойчивость въ важномъ дѣлѣ!

О бискупѣ Антоніи Фіалковскомъ.

Въ мою бытность Подольскимъ архіереемъ, вначалѣ бискупомъ римско-католическимъ былъ Антоній Фіалковскій. Это былъ добрый человекъ, и вовсе не враждебный правительству русскому; но слабохарактерный. Мы жили съ нимъ мирно, посѣщали другъ друга въ извѣстные важные дни, и даже вели хлѣбъ • соль. Какъ совоспитанникъ Сѣмашки (Иосифа митрополита) онъ много рассказывалъ мнѣ о воспитаніи ихъ во время оно въ Вильнѣ. При свиданіяхъ я не разъ говорилъ бискупу о продѣлкахъ ксендзовъ, зловредныхъ для православія, жаловался ему. „Поберегите, говорю, себя Ваше Преосвященство, уйми-

те своихъ фанатиковъ; иначе худо и Вамъ будетъ.“— „Чтожь я сдѣлаю? Видите, какіе мнѣ пасквильные карточки присылають“ (показываетъ свое изображеніе на карточкѣ въ картузѣ съ надписью: *москаль*). „Тогда я, какъ честный человекъ, предваряю Васъ, буду формально жаловаться“. До этого впрочемъ не дошло: я только на словахъ передалъ Безаку, что нужно. Старикъ Фіалковскій тревожился, и не напрасно. Случилось, что онъ не сдержался въ разговорѣ съ Безакомъ, погорячился и наговорилъ ему сильныхъ рѣчей,—что и ускорило его отставку. Первоначально назначено было Фіалковскому жить частно въ Кіевѣ, и онъ поѣхалъ туда: тамъ въ костелѣ безъ вѣдома генераль-губернатора отслужилъ торжественную мессу: произошла демонстрація противоправительственная,—и Антоніи препровожденъ на жительство въ Симферополь.—При отъѣздѣ изъ Каменца-Подольскаго онъ очень скорбѣлъ, и при прощаніи со мною плакалъ, жалуясь на жестокость Безака (напрасно). Мы разошлись мирно. На прощаніи онъ подарилъ мнѣ кресло, на которомъ сидѣлъ покойный Государь въ 1859 г., когда дворянство дало ему балъ и для залы приобрѣло новую мебель, послѣ имъ подаренную бискупу. Подарилъ и канарейку свою, весьма хорошую пѣвунью. Подаренное кресло я поставилъ въ большой крестовой церкви (есть мѣньшая) на горнемъ мѣстѣ, и сажуся на немъ во время чтенія апостола—въ обѣдн. Это нѣкотораго рода трофей побѣды надъ католицизмомъ. Не знаю, хранится ли кресло доселѣ тамъ, гдѣ оно мною поставлено. Одновременно съ удаленіемъ бискупа закрыты Кармелитскій и Тринитатскій костелы (а нѣсколько прежде такъ называемые Визитки, за участіе въ повстаніи, гдѣ нынѣ женское епархіальное училище). При Кармелитскомъ костелѣ (монастырѣ) жилъ и бискупъ. Изъ него передѣланъ православный Соборъ, хотя мѣсто для постройки его назначено было самимъ Государемъ на такъ называемыхъ новыхъ мѣстахъ за православною духовною Семинарією. Перестройка очень дорого стоившая, окончена уже послѣ меня, и Соборъ освященъ, когда я уже былъ въ Варшавѣ. Я впрочемъ еще при утвержденіи проэкта назначилъ освятить его въ честь Божіей Матери Казанской Ея иконы—по историческимъ причинамъ. Докончу о бискупѣ Антоніи. Когда послѣ смерти Безака мѣсто его занялъ князь Дондуковъ-

Корсаковъ, по истеченіи нѣкотораго времени,—открылась вакансія въ Петербургѣ митрополита римско-католическихъ церквей,—и ему послѣдовалъ свыше запросъ: кого бы онъ изъ бискуповъ рекомендовалъ на вакансію, — Дондуковъ обратился секретнымъ письмомъ ко мнѣ, и я указалъ Антонія Фіалковскаго. Онъ и назначенъ, и въ глубокой старости уже скончался въ Петербургѣ. Моя рекомендація оправдалась тѣмъ уваженіемъ, какимъ пользовался въ Петербургѣ отъ православныхъ Фіалковскій.

О бискупѣ Боровскомъ Каспарѣ.

По теченію мыслей и къ порядку скажу нѣчто о Луцко-Житомирскомъ бискупѣ Каспарѣ Боровскомъ. Ему поручено было завѣдываніе римско-католическимъ духовенствомъ въ Подоліи. И онъ не замѣдливъ явиться въ Каменецъ и заявить свою дѣятельность. Пріѣхалъ онъ наканунѣ гимназическаго акта, пожалуй, публичнаго испытанія. Не повидавшись со мною, онъ на другой день поѣхалъ прямо въ Гимназію и хотѣлъ главенствовать. Ему сказали, что ждутъ меня, и не могутъ начинать акта. Тогда онъ пріѣзжаетъ ко мнѣ со словами: „Вотъ меня не пускаютъ въ Гимназію безъ Васъ“. „И натурально“, я говорю. „Если бы я пріѣхалъ въ Вашу Епархію, конечно, по приличію, сдѣлалъ бы Вамъ визитъ прежде, а здѣсь я хозяинъ“. Повидавшись и перебросивъ нѣсколько словъ, мы оба, хотя въ разныхъ экипажахъ, поѣхали въ Гимназію. Здѣсь между прочимъ Боровскій (заносчивый фанатикъ), когда одинъ изъ учениковъ отвѣчалъ по русской исторіи о введеніи христіанства Владиміромъ въ Россію, началъ доказывать, что Владиміръ принималъ главенство папы, былъ какъ бы уніатомъ. Вышелъ споръ; я не поскупился замѣчаніемъ на выходку Боровскаго, удивляясь его безцеремонности.—Послѣ обѣда у губернатора Горемыкина, бискупъ Боровскій тоже говорилъ много бестактностей. Я понялъ, что за гусь онъ, и подумалъ, что вѣрно онъ, продолжая свой путь изъ Каменца по приходамъ польскимъ, натворитъ чего-нибудь. Такъ и оказалось. Когда я, спустя недѣлю, по своему маршруту, отправился на ревизію своей Епархіи, при первомъ удобномъ случаѣ спросилъ у

нѣкоторыхъ своихъ благочинныхъ, не знаютъ ли, что говорилъ ксендзамъ Боровскій?—„Да онъ раздавалъ какіе-то литографированные листы“.—„Какіе же?“—„Не знаемъ“. Тогда я обратился къ становому приставу меня сопровождавшему и просилъ достать мнѣ хоть два-три экземпляра листка. Черезъ нѣсколько дней на пути я уже имѣлъ въ своихъ рукахъ наставленіе ксендзамъ о томъ, чтобы не вводить добавочнаго богослуженія на русскомъ языкѣ, и какъ это дѣлать при благовидныхъ предлогахъ. Листки—я съ дороги же отправилъ въ Кіевъ къ князю Дондукову-Корсакову. Онъ вызвалъ въ Кіевъ Боровскаго, и вѣроятно еще имѣя какія-либо данныя для обвиненія бискупа въ противоправительственныхъ тенденціяхъ, строго ему замѣчалъ. Боровскій наговорилъ дерзостей, и за то немедленно выселенъ былъ въ Пермь, гдѣ жилъ лѣтъ около 20-ти. 1885 г. очутился онъ въ г. Плоцкѣ бискупомъ возстановленнымъ, уже глубокимъ старцемъ. Здѣсь недавно и скончался. Жаль, что не пришлось здѣсь съ нимъ видѣться. А интересно было бы вспомнить о прошедшемъ. Губернаторъ Плоцкій (Толстой, — нынѣ Оберъ-Полиціймейстръ Варшавскій) расхвалилъ мнѣ его: но я знаю, что Боровскій и здѣсь промаху не давалъ. Мнѣ извѣстно, что онъ требовалъ отъ ксендзовъ секретныхъ свѣдѣній обо всѣхъ административныхъ лицахъ русскихъ, ихъ характерѣ, семействѣ, привычкахъ, отношеніяхъ и проч. А наши-то русскіе администраторы попадаютъ на приманку лести, какъ рыба на удочку.

Леонтій, Митрополитъ Московскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).
